

DOI: 10.46698/VNC.2024.92.53.009

ПОЭЗИЯ М.С. ДЗАСОХОВА 1960-80-Х ГГ. НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ: К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЧЕСКОМ МЕТОДЕ

Е.Б. Дзапарова

В статье представлен анализ русскоязычных поэтических переводов М.С. Дзасохова 1960-80-х гг., выявляются способы отражения плана содержания и плана выражения оригиналов. В лирических сборниках «Положа руку на сердце», «Сердце и водопад», «Гости из Барагуына», «Осетия, родная сторона» на русском языке демонстрируются разные переводческие стратегии. Автором исследования в ходе сопоставления разноязычных текстов (оригинал → перевод) показаны сходства и различия при передаче смысла, стилистической выразительности слов, национального колорита, случаи добавлений и опущений в переводе, примеры изменения эквиритмичности и эквилинеарности стиха и в целом поэтической концепции автора. Делается вывод о том, что при передаче содержательно-формальных уровней оригинала преимущественно доминирует адекватный подход (например, в переводах Л. Шерешевского). При переводе обнаруживаются изменения авторских интенций – в тексте на русском языке в той же эмоциональной тональности дается свое видение изображаемой действительности, частичной трансформации подвергается форма поэтической речи (пер. В. Тушиновой, А. Николаева). Для выражения исходной мысли переводчики предлагают собственную интерпретацию «на мотив» оригинала. Однако подобный (свободный) подход к передаче исходного текста лишь изредка встречается в переводческой практике В. Тушиновой, А. Николаева, Н. Злотникова. В рамках переводческих методов наблюдается и комбинированный подход: первая часть стихотворения – авторский текст, вторая – дописывание переводчиком оригинала. Стихотворение на русском языке лишь тематически связано с произведением М. Дзасохова (пер. Н. Злотникова).

Ключевые слова: М.С. Дзасохов, поэзия, художественный перевод, эквиритмичность, эквилинеарность, комбинированный перевод, авторская интенция, прагматика.

Для цитирования: Дзапарова Е.Б. Поэзия М.С. Дзасохова 1960-80-х гг. на русском языке: к вопросу о переводческом методе // Известия СОИГСИ. 2024. Вып. 53 (92). С.133-145. DOI: 10.46698/VNC.2024.92.53.009

Период 1960-х гг. отмечен появлением новых имен в осетинской поэзии со своими художественно-эстетическими принципами, индивидуальным пониманием и оценкой действительности, ее художественным воплощением. Творчество писателей нового поколения – Х. Дзаболова, Г. Бестауты, Х.-М. Дзуццаты, М. Дзасохова, А. Кодзати, В. Малиева, Ш. Джикаева, К. Ходова

и др. – заняло доминирующее место в осетинской литературе на протяжении нескольких десятилетий. Их художественное сознание, вектор понимания и восприятия реальности менялись вместе с общественно-историческими переменами эпохи, а тематика творчества отличалась сложностью и многоплановостью. Осетинская поэзия этого периода характеризуется новым ос-

мыслением традиционных тем – революции, гражданской и Отечественной войн, освоением ранее запрещенных тем и идей. Большое место в ней занимают морально-этические проблемы и образ современника. Для творчества поэтов 1960-80-х гг. свойственен поиск новых жанровых и стихотворных форм (верлибр), поэтического стиля изложения («эзопов язык»).

К поколению писателей, вошедших в литературу в начале 1960-х гг. со своим мировоззрением, художественной манерой, тематикой, близкой к проблемам современности, относится Музафер Созырикович Дзасохов – Народный поэт Осетии, прозаик, переводчик, публицист. М. Дзасохов в художественном слове демонстрирует читателю примеры нравственности и гуманизма, которые декларировались в творчестве русских писателей на протяжении XIX–XX вв. Об этом сам писатель говорит в одном из своих интервью: «Во все времена литература связана с духовным началом, нравственностью. Нравственность – категория неизменная. Литература всегда боролась за человека настоящего, за его честь, чистоту и порядочность. И это свое назначение и роль литература не утратит никогда» [1, 3].

Глубокой проникновенностью отмечена поэзия Музафера Дзасохова. Образ лирического героя близок образу самого автора. Особый психологизм и исповедальность – отличительная черта многих стихотворений. Лирика, как, впрочем, и проза Дзасохова (см. [2], [3]), в определенном смысле автобиографична, отражает различные этапы жизни – тяжелое послевоенное детство, раннее сиротство, а также пути формирования характера и личности поэта.

В лирических сборниках «Фыды фарн» (1964), «Ракæндзынæн дын ма зарæг» (1968), «Зæххы уæз» (1975), «Иры дзыхъхъ» (1984) возникает образ автобиографического героя, пережившего личную драму – смерть родителей (стихотворения «Æнæбæрагæй фæсæфти уæ дарæг», «Фæстаг фæдзæхст»). Одними из центральных тем становятся тема детства и возврата к родным истокам («Ма хъæуы», «Ма рагуалдзæг», «Æрцъидтæн та ма уарзон хъæума...», «Ма хъæубæстæ»), тема любви, через которую раскрывается внутренний мир лирического персонажа («Усгуры катый», «Хъазты», «Ды маен уыдтæ»), малой родины («Иры дзыхъхъ», «Бæрагъуын»), истинной и лживой дружбы («Хæлæрттæ», «Гадзрахатдзинад»), трагедия недавно отгремевшей войны («Мадæн байста сонт нæмыг йæ фыртты...», «Арæн»). В лирике М. Дзасохова находят место различные аспекты проявления темы «человек и природа» («Рагуалдзæджы хъуыдытæ», «Зымæгмаæ кæныны масты», «Хæхтæ»), обнажаются пороки человеческой души («Тæрных», «Хæлæгæймæрдæн», «Æнæбон хъал»). Сборники стихотворений демонстрируют владение поэтом разными строфическими формами, в том числе излюбленным афористичным четверостишием (см. сб. «Колчан» [4], переводы рубаи Омара Хайяма [5]). Романтическое мироощущение в стихах сочетается с реалистическим восприятием мира.

В 1970-1980-е гг. параллельно с оригинальными произведениями выходят в свет лирические сборники Музафера Созыриковича в переводе на русский язык: «Положа руку на сердце» (1971), «Сердце и водопад» (1976), «Гости из Барагуына» (1982), «Осетия, родная

сторона» (1989). Переводчики изданий стремились актуализировать изложенные в творчестве М. Дзасохова ценностные доминанты, стержневые темы его поэзии.

Поэтические переводы Дзасохова становились объектом исследования в научных трудах М.Л. Чибировой [6], Б.Р. Хозиева [7]. В них учеными поднимаются вопросы соотношения формы и содержания, сохранения национального колорита, обозначены способы выражения поэтической концепции автора. Основной целью нашего исследования является определение переводческих методов, доминирующих при передаче лирических произведений М. Дзасохова на русский язык.

В книгу «Положа руку на сердце» вошли стихи, подсказанные самой жизнью, в них – отражение подлинных чувств лирического героя, направленных на самое сокровенное – Осетию, отчий дом, родителей. Стихотворения вбирают и другие художественно-эстетические константы поэзии автора: дружба, мужество и отвага, любовь, природа и др. Произведения в переводе В. Тушновой и А. Николаева разделены в сборнике тематически: названиями для разделов послужили строки из стихов Дзасохова. Сборник представлен разножанровыми произведениями – стихотворениями, баснями, легендами, сонетом. «Переводы, – как пишет М.Л. Чибирова, – получились весьма удачными, в них сохранился национальный колорит и авторское видение, стихи одновременно стали достойным вкладом в русскую поэзию» [6, 97].

Основным методом исследования в переводоведении является сравнительно-сопоставительный анализ, позволяющий оценить переводы с точки зрения

расхождения с оригиналом на содержательном и формальном уровнях, выявить способы преодоления переводчиком коммуникативных, культурных барьеров. Опираясь на данный метод исследования, проанализируем некоторые стихотворения сборника в переводе В. Тушновой и А. Николаева.

«Чем послужу Осетии» – стихотворение, открывающее сборник, стало своего рода манифестом поэта: выражается мысль о любви к малой родине и сыновнем долге. Произведение в оригинале начинается и заканчивается вопрошающей интонацией: лирический герой спрашивает самого себя о той пользе, которую может принести своей земле. Песня – стихи его основное предназначение. В свою очередь и сам лирический герой просит у Осетии вдохновения для всхода «ростков» – поэтического таланта. В переводе частично сохранена вопросно-ответная форма строф оригинала, однако наблюдается изменчивость темпа речи на протяжении всего поэтического текста. Переводчик А. Николаев задает восклицательный тон для выражения оттенков чувств лирического героя в противовес сомневающейся интонации подлинника. В переводном произведении отмечается доминирование разнострофных стихов, чередование кратких и длинных предложений. Отсюда – изменение эквиритмичности и эквилинеарности стиха. Как меняется интонационный рисунок стихотворения в первой строфе, продемонстрируем примером:

*Ирыстонæн цы фæуыдзынаен хорзæй?
Цы йын ратдæн мæ кад æмæ мæ ном?
Кæмæндарты йæ зарæг фесты хоры зæй,
Мæнæн та у сывæллоны æргъом [8, 5].*

Что хорошего я сделаю для Осетии?
Что даст ей моя слава и имя?

У кого-то песня превращается в лавину
зерен,
А у меня она – ребенка ноша.

Осетия!
Ты мне всего дороже.
Моя душа во всем тебе верна.
С потоком зерен чьи-то песни схожи,
Моя же песня – горсточка зерна [9, 4].

Как видим, первые строки перевода отражают и другой смысл. Изменение архитектоники строк оригинала, тождественности стиха, опущение семантически избыточных слов придают тексту в переводе дополнительную экспрессивность.

Переводчик далее избегает смысловых отступлений, художественные образы оригинала передаются структурными компонентами, адекватными в денотативном отношении и по коннотативному воздействию. Образные средства исходного языка максимально приближены в переводе. Например, показ в иносказательной форме препятствий на пути к достижению цели: «*Хъæуы ма уыдон бахъахъхъæнын салд ардзай / Æма æрвнарды судзга цахар-фатæй*» («Необходимо защитить их от морозной погоды / И грома горящих огненных стрел») – «Я должен уберечь от непогоды, / От молнии горящих грозных стрел» совпадает в разноязычных текстах по своей образной организации. В целом стихотворение-просьба о помощи в своем жизненном предназначении находит и в переводе соответствующее оригинальному осмысление, единство произведений (оригинала → перевода) проявляется в «текстуальных сближениях» [10, 175].

Значительное сходство с оригиналами обнаруживается при переводе стихотворений «Жизнь», «Друзья»,

«Смерть друга», «Осетинский обычай», «Дума жениха», «В родном селе». Преимущества и недостатки переводов выявляются в сравнении с другими русскоязычными аналогами произведений. Так, стихотворение «Осетинский обычай» у А. Николаева и Л. Озерова различается лексико-семантическими вариантами представленных в оригинале слов. Озеров нивелирует этнокультурный компонент заглавия элиминацией лексемы «осетинский». Но, как справедливо отмечает М.Л. Чибирова, «ведь обычай может быть и не осетинским, речь идет о специфическом осетинском обычае» [6, 99] – обычае гостеприимства. Однако сличение единиц перевода на уровне слов, словосочетаний и предложений по степени обобщенности понятий и выбору конкретного эквивалента, исходя из восприятия переводчиком описываемой ситуации, подтверждает, интерпретация Озерова поэтически точно восполняет национальный колорит оригинала далее по тексту. См.:

Ремень, как затянут он
На осетине!
Лишь плотно поев,
Он на свадьбу идет [11, 107].

Обращает на себя внимание перевод лексемы *мадызæнæг* («происходящий от одной матери» [12, 62]). В интерпретации Николаева наблюдается генерализация понятия, родовидовая замена единицы перевода – «родня». Предложенный Озеровым вариант – «брат» – приближен к исходному понятию и позволяет сохранить замысел автора.

Русскоязычные переводы передают философский смысл, заложенный поэтом в стихотворениях «Жизнь», «Дороги, дороги». Ориентация в жизни на

праведность в системе ценностей автора занимает основополагающее место. В переводе мысль М. Дзасохова облекается в афористическую форму: «Не бойся смерти в этом мире, / Позорной жизни бойся ты!» [9, 6].

Лейтмотивом в сборнике «Положа руку на сердце» проходит антивоенная тема. Образ войны-разрушительницы, память подвига героев-земляков запечатлены в стихотворениях «Без вести пропал», «Сердце матери», «Песня о Хаджумаре Мамсурове», «Горы». Война в стихотворениях представлена в различных аспектах. В стихотворении «*Æнæбæрæгæй фæсæфтти уæ дарæг...*» перед нами эмоциональный монолог-обращение сына к погибшему на войне отцу. В переводе Николаев сохраняет основную интенцию автора – стремление восстановить последние минуты жизни отца лирического героя. Общность осетинского подлинника с переводом проявляется на уровне межстрофических связей: использованием анафорического повтора «Без вести пропал». План содержания – показ войны как трагедии, отдалившей отца с сыном – поэтизируется на русском языке с помощью соответствующих по эмоциональной окраске лексических средств: «без вести пропал – слов убийственный обвал», «злая сеча», «песнь на полуслове оборвал...», «меж ним и мной прочерчена граница». Глубокие душевные переживания лирического героя и через художественный перевод оказывают на реципиента прагматическое воздействие.

Структурный компонент стихотворения Дзасохова «*Мадæн байста сонт нæмыг йæ фыртты...*» в переводе Тушновой представлен дополнительной строфой: в той же эмоциональной

тональности дается свое видение изображаемой поэтом действительности. Переводчик демонстрирует собственный поэтический талант и меняет авторский замысел, очерчивая хронологический событий:

Траур как надела – не снимала.
Поседела за года она.
Сгорбилась и видеть хуже стала...
Как ее ограбила война! [9, 29]

У Тушновой на переднем плане трагедия матери, тогда как автор также фокусирует свое внимание и на прерванной смертью молодой жизни. Чтобы передать трагический характер всего происходящего, М. Дзасохов использует соответствующие в коннотативном отношении словесно-образные средства: «*фырты байста сонт нæмыг*», «*буц хъæбул*», «*уарзон фырт*», «*дардмæ йыл судзаг цæссыг тагъд*», «*каемдæр кæйдæр зæххыл и...*». Частичной трансформации подвергается форма поэтической речи: стихотворение в оригинале строится на чередовании ударных и безударных слогов, в переводе симметричное сочетание хорейских стоп осложняется пиррихией:

Сын убит у матери... Погасло
Солнце, не взойдя еще в зенит.
И могилку-то искать напрасно, –
На чужбине сын ее зарыт [9, 29].

Основу книги М. Дзасохова «Сердце и водопад» составили переводы Н. Злотникова с доминированием комбинированного подхода при передаче исходного текста: стихотворения передаются как адекватными словесными средствами, так и индивидуально-авторскими. Прием добавления местами обусловлен рядом прагматических факторов. Переводчик вносит текстуаль-

ные пояснения для минимизации лакун – неясной реципиенту информации. С помощью подобного комментария, по мнению Т.В. Евсеевой, «переводчик нивелирует расхождения в когнитивных базах читателя оригинала и перевода, предоставляя недостающую информацию фонового характера» [13, 21]. Для объективного истолкования исходного этнокультурного контекста адресатом переводчик с помощью подстрочных сносок «объясняет» национально-маркированную лексику: «Симд – осетинский массовый танец», «Аца, «фандыр – гармошка» («Когда я задумаюсь»), «Арджынараг – теснина в Осетии» («Кобылий курган»), «Галагон – бог ветра в осетинской мифологии» («Злая женщина»), «Кариу – гора в Осетии» («Путь»). Подобная переводческая стратегия, как представляется, позволяет также избежать искажения несущей информации и способствует сохранению «этнокультурного компонента имен» [14, 553].

Другая причина внесения переводчиком текстуальных добавлений связана с необходимостью сохранить конструкций рифмы. Н. Злотников не ограничивался передачей исходного смысла, для полноты строки и попадания в рифму находит дополнительные ресурсы уже в художественно-образной системе переводящего языка. В качестве примера приведем первую строфу и отдельные строки из стихотворения Дзасохова «Сон», запечатлевшего глубоко-эмоциональные переживания лирического героя, связанные со смертью матери:

*Райхгъал даен мае кауынмае махæдæг:
Федтон та ныййарæджы мае фыны,
Уымаен даен маердджынау æз сæрхæндаг,
Арвы цъæх маем уый тыххæй нæ зыны*

[15, 45].

Проснулся я от своего плача:
Видел маму вновь во сне,
Поэтому словно в трауре печален,
Синева неба мне поэтому не видна.

*Плач мой разбудил меня среди ночи,
Мне опять, опять приснилась мама,
С каждым пробуждением жизнь короче,
И все глубже ночь, темна как яма!*

[11, 13]

*О хъысмæт, цы дын загъдæуа, уастæн,
О судьба, что сказать тебе, воистину,
Отчего ж, судьба – беда без края,*

*Ауайы мае цæстыл фыны мардæй...
Видится во сне умершей...*

Вижу маму мертвой. Мрак, ненастье...

При декодировании исходного текста является необоснованным, нам кажется, включение Н. Злотниковым строф, представляющих собой независимые от подлинника художественные отрывки: первая часть переводного стихотворения – переложение текста М. Дзасохова, вторая – самостоятельное авторское произведение на тему оригинала. Такой комбинированный подход при передаче исходного текста переводчик-писатель применяет в стихотворениях «Сердце и водопад», «Дороги, дороги», «Улыбайтесь, родимые!» (в оригинале – «Нæ сыхы сывæллæттæн»), «Последняя просьба». Разделяя мнение Н.К. Гарбовского, что «поэтический перевод не может копировать оригинал строку за строкой: в переводе возникают иные текстовые связи и иное расположение элементов внутренней, т.е. смысловой, структуры, нежели в оригинале» [16, 13], убеждены и в том, переводчик неправомерен в выборе новых идей и образов, единожды уже запечатленных в подлиннике, расширять его концептуальную

составляющую и демонстрировать реципиенту свою субъективную интерпретацию художественной картины мира писателя.

Сопоставляя разноязычные тексты между собой, обнаруживается ряд других переводческих стратегий Н. Злотникова:

1. При передаче поэтической символики переводчик заменяет слова их прямыми лексическими значениями или вовсе неправильно трактует исходный образ: *рагуалдзæджы бонтæ* (дни юности) – «вернулся день весенний», *сау цæстътæ* (красота глаз) – «бесхитростный взгляд» («Раскаянье»), *каæрдзи зæрдæ скъахтам* (ранить сердце, нанести обиду) – «сердце замерло в печали», *æвзистзачъæ зæронд лæг* (старик с посеребренной бородой) – «у старика, как серебро, седины, / и длинная, как память, борода», *зонд фæкуры зæрдæйæ фæндыр* (разум просит у сердца лиру) – «ум нуждается в душе горячей» («Мечты»).

2. Адаптирует ассоциативно-смысловое поле оригинала: читатель испытывает диаметрально противоположные эмоции:

*Кæддæр уыд кадджын сабийæ мæ цæсты,
Куы-иу артахт æвзыгъд барæг на рæзты.
Тæхуды кодтон: «Саргъыл фест йæ
бæсты,
Уæд басæттин мæ фыдызнаджы хæсты!»*
[15, 19].

Когда-то в детстве мне казалось почетным,
Когда, бывало, стремительно проносился
всадник мимо нас.
Страстно хотел: «Окажись в седле вместо
него,
Одолел бы отцовского врага на фронте!»

Промчался в детстве мимо дома всадник,
Мелькнуло бурки черное крыло.

**И мне казалось, скачка – это праздник,
И мне хотелось тоже сесть в седло**
[11, 32] («Мечты»).

3. Меняет гендерную принадлежность лирического героя (мужчина → женщина, «Я робкая, ты робкий»).

4. Поэтическая мысль одной строки передается целой строфой, строфическая несоразмерность компенсируется за счет опущения в переводе нерелевантной информации («Песня и крылья мечты»).

5. Демонстрирует различные векторы качества художественного перевода стихотворений в целом: неэквивалентный → эквивалентный («Песня мая», «Роса, роса» → «Приговор»).

Интерес для переводчиков лирических произведений М. Дзасохова представляют обличенные в лаконичную художественную форму стихи-четверостишия. Доминирующее место в сборниках «Гости из Барагуына», «Осетия, родная сторона» занимают интерпретации Л. Шерешевского, воспроизводящие строфическую организацию оригиналов. Поэтическая сила, философская глубина мысли, сатирический и юмористический пафос особенно проявились в афористических стихах М. Дзасохова. Впоследствии эти особенности творческой манеры демонстрируются им и в осетиноязычных переводах рубаи Омара Хайяма. К тому же некоторые исследователи сближают «малые» произведения Дзасохова с жанром восточной поэзии (см. [17; 18; 6, 103]).

Рубаи, как известно, имеют свои формообразующие признаки. Философские размышления облакаются автором в лаконичные строки – бейты, каждое двустишие выражает законченную мысль. Окончания поэтических строк сплетаются между собой сквоз-

ной рифмой (аааа), реже наблюдается выпадение созвучия в третьей строке (ааба). По расположению последнего ударного слога в стихах преобладают мужская и женская рифмы. Метрическая система рубаи *аруза* близка по звучанию к 5 и 6-стопному ямбу силлабо-тонического стихосложения.

Лирические миниатюры Дзасохова не соотносятся с каноническими (семантическими, формальными) признаками жанра арабо-персидской поэзии. В четверостишиях осетинского поэта все строки по смыслу связаны между собой разными видами рифмовки с преимуществом перекрестной (абаб). В отдельных строках имеет место выпадение рифмы. Созвучие в окончаниях изредка строится на основе омонимической рифмы. Автор избегает искусственного подстраивания под метрический рисунок рубаи. Ритмико-метрическая структура стиха представлена разностопными двусложными (яmb, хорей) и трехсложными (дактиль, амфибрахий) размерами. В переводах Л. Шерешевского в основном сохранена схема рифмовки оригинала, передан и размер стихотворений-миниатюр.

Анализ сходств и различий при передаче в русских переводах лексико-семантических, национально-культурных компонентов четверостиший М. Дзасохова дан в научных трудах Б.Р. Хозиева [7; 19]. Констатируя в целом, что «значительная часть стихотворений переложена на русский язык довольно на хорошем уровне» [19, 204], автором указаны и неточности в переводах, «образцы некавалифицированного подхода к творчеству народного поэта Осетии» [19, 207]. Так, проследившая в четверостишиях Л. Шерешев-

ского «полное единодушие с оригиналом» [19, 205], отдельные переводы, по мнению критика, «недотягивают» по содержательно-формальным признакам (неточная рифма, разнится передача образов). Безусловно, воспроизведение поэтического мира того или иного автора – первостепенная задача переводчика, которая сводится не только к передаче общего смысла, но и слов-образов, фонетических, лексических, стилистических и др. особенностей текста-источника. Репрезентация смыслового пространства оригинала в поэтическом переводе Л. Шерешевского требовала особых фоновых знаний о той культуре, которой принадлежат переводимые тексты («Гост», «Изобилие», «Братство»). Переводы Л. Шерешевского созвучны оригинальным в передаче идейно-тематического замысла – стихи о родине и любви, о человеческих пороках – трусости, гордыне, пьянстве, лицемерии, о чести и достоинстве, лжеписательстве. Переводчик избегает лишних слов (как того требует и жанр), помимо необходимых оценочных определений для отражения особенностей авторского стиля. Для Л. Шерешевского первостепенной задачей была передача зашифрованной в кратких изречениях Дзасохова мысли. Поэтому поэтический смысл автора не всегда находит отражение в своих первичных образах. Шерешевский местами подбирает эквивалент не по лексическому значению слова, а по ассоциации, связанной с этим образом в исходной культуре:

*Цы нæ хабар æрцауы хæсты:
Къæдзæхы йас лæг фесты цъус...
Тæрхъусы хуызæн арсы бæсты
Хуыздæр у арсагæс тæрхъус*

[15, 61].

Что только не случится на войне:
И человек, что подобен горе, стано-
вится маленьким...

Вместо **медведя** подобного зайцу
Уж лучше быть зайцем подобным
медведю.

Как лист, дрожал и колебался,
А с виду был горой большой...
Быть лучше зайцем с сердцем **барса**,
Чем **барсом** с заячьей душой!
[20, 52] («На войне»)

Для переводчика характерен поиск
новых образных решений для ясного
понимания реципиентом передаваемо-
го смысла:

*Бирæгътагъй нау уыйас тæссаг хъæды,
Афтæмагъй дзы цас фæтæрсы, цас!..
Маст исын цы лæгæн уа йæ хъæды,
Уймагъй тынгдæр никамагъй у тас*
[15, 63].

Страх от волков в лесу не столь ужасен,
А между тем страх от них велик!..
От человека, которому свойственна
мстительность,
Самый сильный страх.

Не страшусь открытой злобы волчьей.
Но страшна **коварная змея**.
Всех опасней тот, кто жалит молча,
Под улыбкой мстительность тая
[20, 56] («Месть»).

Философская тема чести и досто-
инства как основы бытия человека,
реализующаяся М. Дзасоховым в сти-
хотворении «*Намыс æма бандон*», име-
ет с переводом единое лексико-семан-
тическое поле, базирующееся в словах
намыс, кад. Художественный перевод
Шерешевского – яркий пример воспро-
изведения со значительной степенью
адекватности изображенной автором
действительности, обличенной в яркую
художественную форму:

*Хæлæггæнджытæ нæй дæ зондмæ –
Дæ бадæн – хох, ныллæг – дæ кад;
Фæлтау дæ намыс сис бæрзондмæ,
Дæхæдæг къуындзыхыл дæр бад*
[15, 61].

Завистников нет до твоего ума –
Сидишь на горе, а почет – небольшой;
Уж лучше честь свою возвысь,
А сам хоть на пне седи.

Высокий пост ты занял не по праву:
Сам на горе, а твой престиж — на дне.
Пусть выше гор твоя взлетает слава,
А сам сидеть ты можешь хоть на пне
[20, 52] («Слава и пост»).

Итак, представленные примеры де-
монстрируют переводческую концеп-
цию Шерешевского, сводимую к доми-
нированию смысловой, эстетической
эквивалентности оригинала. Лириче-
ские миниатюры на русском языке по-
вторяют интонационно-мелодический
строй подлинника. Шерешевский избе-
гает доминирования собственного по-
этического таланта над авторским, что
не столь часто встречается в переводах
осетинской литературы рассматривае-
мого периода (см. [21]). Произведения
М. Дзасохова нашли в лице Л. Шере-
шевского, на наш взгляд, достойно-
го переводчика, способного с равным
успехом отразить через подстрочник
идейную составляющую оригинала.

Поэтические произведения пред-
ставляют особую сложность для ху-
дожественного перевода. Передача
лингвокультурного своеобразия под-
линника, реализующегося в рамках на-
циональной художественной формы,
прагматического потенциала оригина-
ла, воссоздание эстетической состав-
ляющей текста накладывают особые
трудности на переводческий процесс.
«Поэзия – самое национальное из ис-
куств, в ней становится осязаемой

звуковая плоть языка; выражается дух народа – своеобразие его исторического и культурного развития, его психического строя» [22, 178, 12], – пишет автор фундаментального исследования по теории поэтического перевода Е.Г. Эткин. В процессе передачи подлинника в иное лингвокультурное художественное пространство переводчик ограничен в свободе выбора лексико-семантических единиц в силу целостности структуры поэтического текста. Будучи транслятором чужой художественной картины мира, он ру-

ководствуется прежде всего авторскими интенциями.

Переводы поэзии М. Дзасохова – образец разностороннего подхода к оригиналу. В сборниках лирических произведений осетинского поэта на русском языке прослеживаются примеры адекватного и свободного переводов, выявляется комбинированный подход: сохранив авторскую идею произведения, переводчик представляет в тексте свое художественное видение оригинала, демонстрирует собственный поэтический талант.

-
1. Дзасохов М. Нравственность – категория неизменная // Слово. 2002. 2 ноября.
 2. Мамиаты И. Дзырддзæуæны: автор æмæ хъайтары æмдзæдис. Дзæуджыхъæу: Ир, 2008. 368 ф. (на осет. яз.).
 3. Бритаева А.Б. Жанр автобиографической повести в осетинской детской литературе // Kavkaz-Forum. 2020. Вып. 1(8). С. 61-70.
 4. Дзасохов М.С. Колчан / Пер. с осет. М.: Современник, 1991. 208 с.
 5. Хайям О. Цыппаррæнхъонтæ. Ирон æвзагмæ Дзасохты Музаферы тæлмац. Дзæуджыхъæу: Ир, 1991. 214 ф. (на осет. яз.).
 6. Чибирова М.Л. Художественный перевод и проблема национального колорита (на материале русских переводов осетинской поэзии второй половины XX века). Владикавказ: СОИГСИ им. В.И. Абаева, 2006. 155 с.
 7. Хозиев Б.Р. Жанровая специфика современной осетинской поэзии (на примере творчества М.С. Дзасохова, Ш.Ф. Джикаева, К.Х. Ходова): Дисс. ... канд. филол. наук. Владикавказ, 2010. 177 с.
 8. Дзасохты М. Ракандзынаен дын мæ зарæг. Дзæуджыхъæу: Ир, 1968. 75 ф. (на осет. яз.).
 9. Дзасохов М. Положа руку на сердце / Пер. с осет. В. Тушновой, А. Николаева. Орджоникидзе: Ир, 1971. 87 с.
 10. Солодуб Ю.П., Альбрехт Ф.Б., Кузнецов А.Ю. Теория и практика художественного перевода. М.: Изд. центр «Академия», 2005. 304 с.
 11. Дзасохов М. Сердце и водопад / Пер. с осет. М.: Молодая гвардия, 1976. 112 с.
 12. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. В 4-х т. Л.: Академия наук СССР, Ленинградское отделение, 1973. Т. 2. 449 с.
 13. Евсеева Т.В. Переводной художественный текст с комментарием: структурные, когнитивные и функционально-прагматические особенности. Ростов н/Д, 2007. 177 с.

14. Дзанапарова Е.Б. Имена собственные в зеркале художественного перевода // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 553.
15. Дзасохты М. Зæххы уæз. Орджоникидзе: Ир, 1975. 88 ф. (на осет. яз.).
16. Гарбовский Н.К. Новый перевод: свобода и необходимость // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2011. № 1. С. 3-16.
17. Чибиров Л.А. Народный поэт Осетии // Чибиров Л. Имена. Владикавказ: Ир, 2010. С. 192-208.
18. Хозиев Б.Р. Жанр четверостиший в поэзии Музафера Дзасохова // В мире научных открытий. 2010. № 4-13 (10). С. 21-22.
19. Хозиев Б.Р. Соотношение формы и содержания в переводах четверостиший Музафера Дзасохова // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. 2010. № 1. С. 203-207.
20. Дзасохов М. Гости из Барагуына / Пер. с осет. М.: Современник, 1982. 95 с.
21. Дзанапарова Е.Б. Поэты-шестидесятники как переводчики осетинской поэзии // Научный диалог. 2020. № 6. С. 236-264.
22. Эткинд Е. Поэзия и перевод. СПб.: Петрополис, 2018. 424 с.

Dzaparova, Elizaveta B. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); L-dzaparova@mail.ru

M.S. DZASOKHOV'S POETRY OF THE 1960-80S IN RUSSIAN: ON THE QUESTION OF THE TRANSLATION METHOD.

Keywords: M.S. Dzasokhov, poetry, literary translation, equirhythmicity, equilinearity, combined translation, author's intention, pragmatics.

The article presents an analysis of Russian-language poetry translations by M.S. Dzasokhov from the 1960s-80s, revealing the ways of reflecting the content plan and the expression plan of the originals. In the lyric collections "Polosha ruko na serde", "Serdtshe i vodapud", "Gosti iz Baraguyn", "Ossetia, narnaya storona" in Russian, different translation strategies are demonstrated. The author of the study, in the course of comparing multilingual texts (original → translation), shows the similarities and differences in the transmission of meaning, stylistic expressiveness of words, national color, cases of additions and omissions in translation, examples of changes in the equirhythmicity and equilinearity of the verse and the poetic concept of the author in general. It is concluded that when transmitting the content-formal levels of the original, the adequate approach predominantly dominates (for example, in the translations of L. Shereshevsky). During translation, changes in the author's intentions are revealed - in the Russian text, in the same emotional tone, his own vision of the depicted reality is given, the form of poetic speech is partially transformed (translated by V. Tushnova, A. Nikolaev). To express the original thought, the translators offer their own interpretation "to the tune" of the original. However, such a (free) approach to conveying the original text is only occasionally encountered in the translation practice of V. Tushnova, A. Nikolaev, N. Zlotnikov. Within the framework of translation methods, a combined approach is also observed: the first part of the poem is the author's text; the second is the translator's addition to the original. The poem in Russian is only thematically connected with the work of M. Dzasokhov (translated by N. Zlotnikov).

For citation: Dzaparova, E.B. Poetry of M.S. Dzasokhov of the 1960-80s in Russian: on the question of the translation method // *Izvestiya SOIGSI*. 2024. Iss. 53 (92). Pp. 133-145. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2024.92.53.009

References

1. Dzasokhov, M. *Nravstvennost' – kategoriya neizmennaya* [Morality is an unchangeable category]. *Slovo* [Word]. 2002. November 2.
2. Mamiaty, I. *Dzyrddzæuæeny: avtor æmæ kh"aitary æmdzædis* [In Search of the Word: Author and Hero: Dynamics of Relationships]. *Dzæudzhychjæu, Ir*, 2008. 368 p. (in Ossetian).
3. Britaeva, A.B. *Zhanr avtobiograficheskoi povesti v osetinskoj detskoj literature* [The genre of autobiographical story in Ossetian children's literature]. *Kavkaz-Forum* [Kavkaz-Forum]. 2020, iss. 1 (8), pp. 61-70.
4. Dzasokhov, M.S. *Kolchan* [Quiver]. Moscow, *Sovremennik*, 1991. 208 p.
5. Hayyam, O. *Tsypparrænk"ontæ* [Rubaiyat]. *Dzæudzhychjæu, Ir*, 1991. 214 p. (in Ossetian).
6. Chibirova, M.L. *Khudozhestvennyi perevod i problema natsional'nogo kolorita (na materiale russkikh perevodov osetinskoj poezii vtoroi poloviny XX veka)* [Literary translation and the problem of national color (based on Russian translations of Ossetian poetry of the second half of the twentieth century)]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2006. 155 p.
7. Khoziev, B.R. *Zhanrovaya spetsifika sovremennoj osetinskoj poezii (na primere tvorcestva M.S. Dzasokhova, Sh.F. Dzhikaeva, K.Kh. Khodova)* [Genre specificity of modern Ossetian poetry (on the example of the work of M.S. Dzasokhov, S.F. Dzhikaev, K.Kh. Khodov)]. Dissertation of the candidate (in Philology). Vladikavkaz, 2010. 177 p.
8. Dzasokhty, M. *Rakændzynæn dyn mæ zaræg* [I'll sing you a song]. *Dzæudzhychjæu, Ir*, 1968. 75 p. (in Ossetian).
9. Dzasokhov, M. *Polozha ruku na serdtse* [Hand on Heart]. *Ordzhonikidze, Ir*, 1971. 87 p.
10. Solodub, Yu.P., Albrekht, F.B., Kuznetsov, A.Yu. *Teoriya i praktika khudozhestvennogo perevoda* [Theory and practice of literary translation]. Moscow, *Izd. tsentr "Akademija"*, 2005. 304 p.
11. Dzasokhov, M. *Serdte i vodopad* [Heart and waterfall]. Moscow, *Molodaya gvardiya*, 1976. 112 p.
12. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. V 4-kh t.* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language. In 4 vols]. Leningrad, Academy of Sciences of the USSR, Leningrad Department, 1973, vol. 2. 449 p.
13. Evseeva, T.V. *Perevodnoi khudozhestvennyi tekst s kommentariem: strukturnye, kognitivnye i funktsional'no-pragmaticheskie osobennosti* [Translated literary text with commentary: structural, cognitive and functional-pragmatic features]. Rostov-on-Don, 2007. 177 p.

14. Dzaparova, E.B. *Imena sobstvennyye v zerkale khudozhestvennogo perevoda* [Proper names in the mirror of literary translation]. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya* [Modern problems of science and education]. 2014, no. 5, pp. 553.
15. Dzasokhty, M. *Zækhkhy uæz* [The weight of the earth]. Ordzhonikidze, Ir, 1975. 88 p. (in Ossetian).
16. Garbovsky, N.K. *Novyi perevod: svoboda i neobkhodimost'* [New translation: freedom and necessity]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 22. Teoriya perevoda* [Moscow University Studies Bulletin. Ser. 22. Translation Studies.]. 2011, no. 1, pp. 3-16.
17. Chibirov, L.A. *Narodnyi poet Osetii* [People's poet of Ossetia]. Chibirov, L. *Imena* [Names]. Vladikavkaz, Ir, 2010, pp. 192-208.
18. Khoziev, B.R. *Zhanr chetverostishii v poezii Muzafera Dzasokhova* [The genre of quatrains in the poetry of Muzafer Dzasokhov]. *V mire nauchnykh otkrytii* [In the world of scientific discoveries]. 2010, no. 4-13 (10), pp. 21-22.
19. Khoziev, B.R. *Sootnoshenie formy i sodержaniya v perevodakh chetverostishii Muzafera Dzasokhova* [The relationship between form and content in translations of Muzafer Dzasokhov's quatrains]. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta imeni K.L. Khetagurova* [Bulletin of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov]. 2010, no. 1, pp. 203-207.
20. Dzasokhov, M. *Gosti iz Baraguyna* [Guests from Baraguyn]. Moscow, Sovremennik, 1982. 95 p.
21. Dzaparova, E.B. *Poety-shestidesyatniki kak perevodchiki osetinskoi poezii* [Poets of the Sixties as Translators of Ossetian Poetry]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue]. 2020, no. 6, pp. 236-264.
22. Etkind, E. *Poeziya i perevod* [Poetry and Translation]. St. Petersburg, Petropolis, 2018. 424 p.